

ГЛЕБ ЛЕБЕДЕВ: АРХЕОЛОГИЯ И НЕ ТОЛЬКО

В ночь на 15 августа 2003 года, в канун Дня археолога, в Старой Ладогe, древней столице Рюрика, погиб Глеб Лебедев, хорошо известный читателям этого журнала, мой ученик и друг. Упал с верхнего этажа общежития археологов, ведших там раскопки. Предполагают, что он взбирался по пожарной лестнице, чтобы не будить заснувших коллег. Через несколько месяцев ему бы исполнилось 60 лет.

После него осталось более 180 печатных работ, из них 5 монографий, множество учеников-славистов во всех археологических учреждениях Северо-Запада России, остались его свершения в истории археологической науки и города. Он был не только археологом, но и историографом археологии, и не только исследователем истории науки – он и сам принимал активное участие в ее творении. Так, еще студентом он был одним из основных участников Варяжской дискуссии 1965 года, положившей в советское время начало открытому обсуждению роли норманнов в русской истории с позиций объективности. В дальнейшем на это была направлена вся его научная деятельность.

Глеб смолodu привык работать в коллективе, будучи его душой и центром притяжения.

Наша победа в Варяжской дискуссии 1965 года была оформлена выходом большой коллективной статьи (опубликованной только в 1970 г.) «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения». Эта итоговая статья была написана тремя соавторами – Лебедевым, Назаренко и мной. Я должен признать, что к этому времени мои ученики, каждый в своей сфере, знали славянские и норманнские древности и литературу по теме лучше меня, тем более что это стало их основной специализацией в археологии, а я увлекся другими проблемами. Результат появления этой статьи был косвенно отражен в ведущем историческом журнале страны «Вопросы истории» – в 1971 г. в нем появилась маленькая заметка за подписью замредактора А.Г. Кузьмина о том, что ленинградские ученые (назывались наши имена) показали: марксисты могут признавать «преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси». Удалось расширить свободу объективного исследования.

В 1970 г. была опубликована и дипломная работа Лебедева – статистический (точнее, комбинаторный) анализ погребального обряда викингов. Работа эта (в сборнике «Статистико-

комбинаторные методы в археологии») послужила образцом для ряда работ товарищей Лебедева (некоторые опубликованы в том же сборнике).

В 1976 г. Лебедев защитил кандидатскую диссертацию по работе, которая, собственно, была развитием его дипломной – погребальный обряд эпохи викингов. В следующем году ее основная часть была опубликована в «Скандинавском сборнике» под названием «Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке». То был первый крупный труд по интерпретации этого классического памятника шведской археологии. В самой Швеции такого труда тогда еще не было.

Первой монографией Лебедева была книга 1977 г. «Археологические памятники Ленинградской области». К этому времени Лебедев уже ряд лет руководил Северо-Западной археологической экспедицией Ленинградского университета. Но книга не была ни публикацией результатов раскопок, ни подобием археологической карты области с описанием памятников всех эпох. Это был анализ и обобщение археологических культур средневековья на Северо-Западе Руси. Лебедев всегда был генерализатором, его привлекали скорее широкие исторические проблемы (разумеется, на конкретном материале), чем частные исследования.

Через год вышла вторая книга Лебедева в соавторстве с двумя друзьями «Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков». Год этот был вообще удачным для нас: в этом же году вышла моя первая книга «Археологические источники» (таким образом, Лебедев определил своего учителя). Эту монографию Лебедев создавал в соавторстве со своими соучениками В.А. Булкиным и И.В. Дубовым, из которых Булкин развивался как археолог под влиянием Лебедева, а Дубов стал и учеником его. Лебедев много возился с ним, пестовал его и помогал осмысливать материал (пишу об этом для восстановления справедливости, потому что в книжке о своих учителях покойный Дубов, оставаясь до конца партийным функционером, предпочел не вспоминать о своих неконформистских учителях по Славяно-Варяжскому семинару). В этой книге Северо-Запад Руси описан Лебедевым, Северо-Восток – Дубовым, памятники Белоруссии – Булкиным, а памятники Украины анализируются совместно Лебедевым и Булкиным.

Третья книга Лебедева – это его докторская диссертация «Эпоха викингов в Северной Европе», опубликованная в 1985 г. и защищенная в 1987 (и докторскую он защитил также

раньше меня). В книге он отошел от восприятия порознь норманнского исходного очага и мест их завоевательной активности или торговли и наемнической службы. Он рассмотрел социальные процессы (развитие специфически северного феодализма, урбанизацию, этно- и культурогенез) на всей территории Балтики в целом и показал их поразительное единство. С этих пор он говорил о «Балтийской цивилизации раннего средневековья». Этой книгой (да и предшествующими работами) Лебедев вошел в число ведущих скандинавистов страны.

Он был также научным руководителем международной экспедиции, 11 лет изучавшей экспериментально (проходом на исторических моделях древних кораблей) путь из варяг в греки. За эту работу в 1989 г. Русским Географическим обществом он был награжден медалью Пржевальского.

В 1991 г. вышла моя теоретическая монография «Археологическая типология», в которой ряд разделов, посвященных приложению теории к конкретным материалам, был написан моими учениками. Лебедеву принадлежал в этой книге большой раздел о мечях. Его материал был вынесен и на обложку книги.

Четвертой монографией Лебедева была большая книга «История отечественной археологии» (1992). Это сейчас самый крупный и детальный труд по истории дореволюционной отечественной археологии. По этой книге во всех университетах страны студенты постигают историю, цели и задачи своей науки. Если внимательно прочитать эту книгу (а это очень увлекательное чтение), то можно заметить, что автора чрезвычайно занимает формирование и судьбы петербургской археологической школы. Он старается определить ее отличия, ее место в истории науки и свое место в этой традиции. Изучая дела и судьбы знаменитых русских археологов, он старался понять их опыт для постановки современных проблем и задач. На базе курса лекций, легшего в основу этой книги, вокруг Лебедева сложилась группа питерских археологов, специализировавшихся на истории дисциплины (Н. Платонова, И. Тункина, И. Тихонов).

Под редакцией профессоров А.С. Герда и Г.С. Лебедева в 1999 г. вышел коллективный труд четырех авторов «Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон». Официально эта книга не считается монографией Лебедева, но он сделал примерно две трети всего тома. В этих разделах Лебедев предпринял попытку создать особую дисциплину – археологическую регионалисти-

ку, разработать ее понятия, теории, методы, ввести новую терминологию («топохрон», «хронотоп», «ансамбль», «локус», «семантический аккорд»). Не всё представляется мне в этой работе Лебедева продуманным до конца, но выделение некой дисциплины на стыке археологии и географии давно намечается, а Лебедев высказал и в этой работе немало ярких мыслей.

В 2000 г. вышла пятая монография Г.С. Лебедева – в соавторстве с Ю.Б. Жвиташвили: «Дракон Нево на Пути из Варяг в Греки», а уже в следующем году вышло второе издание этой книги. В ней Лебедев вместе со своим соратником – начальником экспедиции (сам он был ее научным руководителем) описывает драматическую историю и научные результаты этой подвижнической и увлекательной 11-летней работы. Тур Хейердал приветствовал их. Собственно, шведские, норвежские и русские яхтсмены и историки под водительством Жвиташвили и Лебедева повторили свершение Хейердала, проделав путешествие, хотя и не столь опасное, но более длительное и более ориентированное на научные результаты.

Мне кажется, Лебедеву вредило его увлечение мистикой, особенно в последние годы, в последних работах. Он верил в неслучайность совпадений имен, в таинственную связь событий через поколения, в существование предназначений и миссионерских задач. Он был в этом схож с Рерихом и Львом Гумилевым. Проблески подобных идей ослабляли убедительность его построений, порою его рассуждения звучали заумно. Но в жизни эти вихри идей делали его одухотворенным и наполняли энергией.

Глеб Лебедев жил историей и в истории. Он чувствовал себя то викингом, то древнерусским воителем, то «птенцом гнезда Петрова» или соратником Анучина, современником Ростовцева. Но больше всего викингом. Очень ценил качества викинга – верность, преданность, смелость и дерзость, широту замыслов – и развивал их в себе. Даря свои книги, подписывал их так: «Учителю своему с глубоким и сложным чувством свершенного дела... 919 лет и 9 дней спустя после битвы при Гастингсе, 11029 месяцев после гибели конунга Харальда Хардрара, положивших конец эпохе викингов в Северной Европе». Отношения учителя и учеников он воспринимал как нечто большее, чем связи внутри школы, – скорее как отношения древнего конунга с верной дружиной. Он видел в них некую глубинную мистическую связь, романтическую и высокую. Такие экзальтированные чувства верности ныне, в наш коммер-

ческий и циничный век, начинают особенно цениться – свидетельством тому успех кинофильма «Бригада».

Это был человек сложный, глубокий, колоритный и разный.

Не скрою, это Глеб (на один день за всю жизнь) отрекся от меня, когда мне предстояла тюрьма (под другими именами я описал этот эпизод в «Перевернутом мире»). Назавтра одумался и начал длительную борьбу за мою свободу. Я долго думал об этом странном эпизоде. Потом сообразил, что понимать его нужно в ключе преданности викинга своему конунгу. Эта преданность безгранична, но и конунг должен быть на высоте. Он должен всё время источать уверенность и силу, заражая ею своих людей. Как только этого нет, он больше не конунг и они свободны от обязательств. Вероятно, тогда я какое-то время был в растерянности и упадке духа. Магическая власть пресеклась. Я овладел собой – и Глеб тотчас поверил в мою правду и в возможность борьбы.

Это был 1981 год – советские войска вошли в Афганистан, разрядка была сорвана, Сахаров упрятан в Горький, в Питере начались аресты профессоров. Когда я оказался в тюрьме, в Ректорате университета застряла моя рукопись большой статьи о советской археологии, подготовленная к отправке за границу – в журнал «World Archaeology». Статью арестанта, да еще столь ответственную, невозможно было отправить. Мои ученики Глеб и Василий поставили свои подписи рядом с моей – и статья была отправлена. Каждый, кто жил в это время в СССР, может оценить мужество этого поступка. Впоследствии Глеб настолько сросся с этим текстом, что стал считать его и своим – декларацией школы. С моего согласия он даже вставил существенные части его (деление советских археологов на школы) в свою «Историю отечественной археологии», хотя эта книга была посвящена дореволюционной археологии. Он был весь охвачен осознанием школы, дружины, своего места в ней.

Его позиция в науке была неслучайной. Она была тесно переплетена с его гражданскими чувствами.

Еще студентом он был молодежным лидером исторического факультета – комсомольским секретарем. Кстати, пребывание в комсомоле оказало на него дурное влияние – постоянные завершения заседаний попойками, принятые в комсомольской верхушке повсеместно, приучили его (как и многих других) к алкоголю, от чего ему приходилось потом с трудом избавляться. От коммунистических иллюзий

(если какие-то и были) оказалось избавиться легче: они и без того были непрочными, разведенными либеральными идеями и неприятием догматизма. Одним из первых Лебедев разорвал свой партийный билет.

Он не только вел раскопки курганов вокруг Петербурга и самого города – он участвовал в его новейшей истории. В славные годы обновления он был одним из депутатов первого демократического Петросовета. Вместе с Алексеем Ковалевым, лидером группы «Спасение», он боролся за сохранение исторического центра города и исторических традиций. Лебедев был также одним из создателей общества «Мемориал», ведшего борьбу за восстановление прав и улучшение жизни бывших узников сталинских лагерей. Когда на историческом факультете С.-Петербургского университета сложилось засилье ретроградов и псевдопатриотов, Лебедев возглавил специальную комиссию Петербургского Союза ученых по этому вопросу, неустанно борющуюся за восстановление нормальной обстановки на факультете. И она была восстановлена. Правда, объективность и справедливость – вот были его жизненные девизы. Мало кто из археологов столь активно отстаивал свою гражданскую позицию.

Конечно, эта позиция, неуклонно проводившаяся и в его научной работе и в его гражданской деятельности, вызывала и продолжает вызывать злобу его противников. Еще когда он был молодым археологом и собрался посетить изучаемые памятники в Швеции, в Министерство поступил подписной донос маститого московского профессора. В доносе этот археолог сообщал о норманистских взглядах Лебедева и настоятельно рекомендовал не выпускать его за границу ввиду его возможных связей с антисоветчиками. Тогда ученый совет факультета, куда донос пришел из Министерства, оказался на высоте и, обсудив донос, оставил его без последствий.

Годами Глеб Лебедев в рот не брал спиртного, но иногда срывался. Позже, используя эти срывы, его недруги добились его удаления из Петросовета, а затем и с кафедры археологии. Его заменили его учениками. Лебедев же был назначен ведущим научным сотрудником НИИ комплексных социальных исследований СПб университета, а также директором СПб филиала РосНИИ культурного и природного наследия. Однако в основном это были должности без постоянной ставки. Жить приходилось почасовым преподаванием в разных вузах. Он так и не был восстановлен в профессорской должности на кафедре, но несколько лет тому назад снова начал преподавать там почасови-

ком. К этому времени он был очень болен – желудок вырезан, во рту совсем не было зубов. Тяжело болела жена.

Все эти трудные годы, когда многие коллеги покинули науку ради заработков в более прибыльных отраслях, Лебедев, будучи в самых трудных материальных условиях, не прекращал заниматься наукой и гражданской деятельностью, не приносившими ему практически никаких доходов. Из видных научных и общественных деятелей нового времени он сделал больше многих и не нажил в материальном отношении ничего. Он оставался жить в Петербурге Достоевского (у Витебского вокзала) – в той же дряхлой и неустроенной, бедно обставленной квартире, в которой родился. Семье (жене и детям) он оставил свою библиотеку, неопубликованные стихи и доброе имя.

В политике он был деятелем собачаковской формации, и естественно, что антисобачаковские силы преследовали его, как могли. Не оставляют они этой злобной травли и после смерти. Газета Шутова «Новый Петербург» откликнулась на смерть ученого гнусной заметкой, в которой обзывает покойного «неформальным патриархом археологической тусовки» и сочиняет небылицы о причинах его гибели. Якобы в беседе со своим другом Алексеем Ковалевым, при которой присутствовал корреспондент «НП», Лебедев выдал некие секреты службы охраны президента во время городского юбилея (использование магии «отвода глаз») и за это тайные службы госбезопасности устранили его. При жизни Глеб ценил юмор, и его бы весьма позабавила шутовская магия черного ПИАРа, но Глеба нет, и кто бы мог объяснить газетчикам всё неприличие их шутовского кривляния? Однако и в этом кривом зеркале отразилась действительность: без Лебедева, действительно, не обходилось ни одно крупное событие городской научной и общественной жизни (в понимании шутовских газетчиков конгрессы и конференции – это «тусовки»), и он, действительно, был всегда окружен творческой молодежью.

За год до смерти Лебедева под его редакцией вышел интереснейший том его младших товарищей и учеников «Археология и не только...» (2002). В этом огромном томе собраны воспоминания участников Сибирской археологической экспедиции Ленинградского дворца пионеров, написанные тридцать лет спустя. Том имеет чрезвычайную ценность для познания некоторых педагогических и гражданских истин. В предисловии к нему Лебедев отмечал:

«Целостность и цельность научного пути петербургской археологической школы, которым пронизана эта многоголосая книга, мне кажет-

ся, могут не только заинтересовать и порадовать читателей. Многие из сверстников, я думаю, прочитают фрагменты “эссе” и интервью участников и организаторов САЭ не без потаенной зависти, а может быть и горечи. Современники событий, о которых идет речь в “Археологии и не только...”, вправе задать себе вопрос: – А я-то где был?»

И Лебедев ехидно и назидательно отвечает:

«– А вот, может, следовало быть там, в Енисейской Трубе, или “на речке на Каспле...”» (с.5).

Лебедев всегда был там, где следовало быть. И делал то, что следовало делать ученому и гражданину.

В книге Лебедева и Жвиташвили «Дракон Нево» помещен вместо заключения вольный поэтический перевод рунической надписи на погребальном камне XI века на острове Бере-

зань в устье Днепра. Стихи Лебедева обращены к его другу и соратнику Юрию Жвиташвили (цитирую не полностью):

«Раскрывали объятья друг другу мысы,
На высокой волне полнимался дракон,
И под солнечным взором летели часы,
От начала времен до скончанья времен...

Мы не раз отстояли, спиной к спине,
Против лютых врагов и опасных ветров.
И свой хлеб разделили в ночной тишине,
Ныне, присно, а также во веки веков...

А когда отойдет расставания час,
То в растрепанных ветром лохмотьях седин
Эту надпись на камне оставит о нас
Тот, который остался теперь вот один».

Одним остался его соратник.

Л.С. Клейн.